

— Ну, разумеется, посмотрите „Юлия Цезаря“.

И вот через несколько дней не станет Рима, не станет Цезаря. О, бедные сценические создания, как вы не прочны. Я плачу над развалинами Рима, я оплакиваю кончину Цезаря.

Седьмого и десятого марта над ним будет совершен обряд погребения. Театр должен расстаться с ним: его помещение мало, статисты и многое другое обходится слишком дорого...

„Так умри же, „Цезарь“!..

Вот чем был Худ. театр для его зрителя и как этот зритель относился к тем художественным созданиям, которые исходили со сценических подмостков.

Вспоминаешь значительные постановки Худ. театра, в частности создания Достоевского... Я помню, как многие выдающиеся театральные деятели и журналисты критически относились к постановкам „Бесов“ и „Карамазовых“, как многие шли в театр, глубоко возмущенные мыслью, что театр осмелился варварски коснуться художественного текста величайшего в мире гения. Мне известен целый ряд документов, которые в один голос говорят: „Да, мы шли возмущенные, но вышли восхищенные“.

Какое огромное количество фактов, вскрывающих действенную роль Худ. театра я мог бы раскрыть перед вами, но к сожалению позднее время лишает меня возможности это сделать! А как не хочется расставаться с этими признаниями — оценками восхищенных поколений, воспитавшихся на спектаклях этого театра!

Я должен все же хоть вкратце сказать, что в театре были незабываемые моменты, которые остаются в памяти на всю жизнь.

Вот, напр., один из таких моментов: 17 января 1904 года шел „Вишневый сад“, этот день совпал с днем ангела Антона Павловича Чехова. И современники вспоминают: „Мы шли, как на свидание, в Художественный театр, мы шли, как на какую-то общественную демонстрацию“. Сохранились подробные описания этого спектакля, всех речей всех депутатий, в особенности замечательна была лирическая речь Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Сам Чехов был на этом спектакле...

Второй момент: 100-е представление „Царя Федора“.

Третий момент — постановка „На дне“, когда Максим Горький был кумиром массового читателя-зрителя.

И сколько таких моментов в жизни Худ. театра было! Театр этот организовывал психологию зрителя, он создал нового зрителя, он был эхом и вождем этого зрителя.

Говорят, что Худ. театр в настоящее время якобы не созвучен революции. В моих руках имеется документ, доказывающий, что наша красноармейская масса, в революционности которой мы сомневаться не можем, воспринимает этот театр так же социально, как зритель

дореволюционный. Худ. театр продолжает организовывать общественную стихию так же, как это было в предреволюционные годы.

В моих руках имеется анкета красноармейцев, бывших на пьесе „Декабристы“. Спрашивается: — Что вам хотелось бы еще посмотреть?

Ответы: — То же, только побольше билетов на 2-ю роту. Второй ответ: — Посмотреть весь репертуар Худ. театра. Вопрос: — Что вам больше всего понравилось? Ответ: — Вне критики. Вопрос: — Какие недостатки? Ответ: — Вряд ли они были. Или: — Увлекся, недостатков не заметил. Или: — Никаких пока не заметил.

Но один из зрителей, впрочем, отнесся критически, говоря, что один артист очень часто вытирает очки. Это недостаток. А другой указывает на такую погрешность: артист, исполняющий роль Трубецкого, когда повернулся, сделал первый шаг с правой ноги, — для военного это недопустимо.

Наконец, вопрос: — Какое впечатление вообще вынес красноармеец от постановки? Ответ: — Побольше трагических вещей. Или: — Я как красноармеец, вполне понимаю данный спектакль, желательно было бы перебросить побольше таких вещей в нашу деревню, где еще не так-то уяснили задачи Советской власти, а нам чего-нибудь другого, как, напр., „На дне“ или „Ревизора“ и др. Один ответ в особенности замечателен: „Меня обжигала речь, когда читал не знаю кто, а также все остальное так было поставлено, что я лучше бы не хотел. Впечатление на меня произвело такое, что при первом столкновении я бы с голыми руками бросился на буржуазию и царских палачей. На такие постановки чаще нужно водить красноармейцев“.

Вот голос революционного зрителя, громко свидетельствующий каким мощным аккумулятором социальной энергии является Худ. театр, как организует он нового зрителя, к каким действенным, волевым движениям направляет этот театр. Такова сила великого искусства сцены нашего любимого театра. Дайте ему подлинно художественный репертуар, созданный драматургией Октября, он так же будет творить динамические образы, как делал в старые годы, когда крупнейшие мастера драмы — европейской и русской, — зозвучные общественным настроениям передовых социальных групп, давали возможность раскрывать сложнейшие темы жизни в волнующих театральных формах. Худ. театр умел претворить в перл создания творения Чехова и Горького, гениально показывал вершины мирового творчества в чудесной игре своего актерского коллектива. Худ. театр обладает, как ни один театр, системой таких приемов воздействия на зрителя, когда зритель выходит из театра возбужденный, потрясенный, перерожденный.

Великий художник жизни, учитель искусства, жизни, творец-красоты личного подвига и общественной драмы, Худ. театр — яркая, не-